

А.И. ГЕРЦЕН – ПЕРВЫЙ ИСТОРИК РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА (СТРАНИЦАМИ КНИГИ «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ» И АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ)

На материале научно-публицистических работ А.И. Герцена рассматривается его деятельность в роли первого историка русской общественно-политической мысли и ее консервативного направления в частности.

Ключевые слова: А.И. Герцен, историко-революционный трактат, общественная мысль, русский консерватизм, вольная русская типография, издание, М.М.Щербатов.

На матеріалі науково-публіцистичних праць О.І. Герцена розглядається його діяльність як першого історика російської суспільно-політичної думки та її консервативного напрямку зокрема.

Ключові слова: О.І. Герцен, історико-революційний трактат, суспільна думка, російський консерватизм, вільна російська типографія, видання, М.М.Щербатов.

The article describes the Herzen's activity as the first historian of the Russian conservatism and the Russian social thought as the whole on the materials of his treatise "About the development of the revolutionary ideas in Russia" and the smaller historical publicistic works.

Key words: A.I. Herzen, historical revolutionary treatise, social thought, russian conservatism, free russian typography, edition, M.M.Schrbatov.

Одним из сюжетов, имеющих особую профессиональную притягательность для историка общественной мысли, является определение исходной точки т.н. «рефлексивного этапа» исторического развития того или иного из ее традиционно демаркируемых направлений. Главной отличительной чертой рассматриваемого этапа можно считать обращение отдельных видных представителей консервативного, либерального и леворадикального лагерей к теоретическим (в том числе к понятийно-терминологическим) и к морально-ценностным аспектам своей идеологии и социально-политической «практики».

Вместе с тем, подобная рефлексия неизбежно предполагает ту или иную степень реконструкции и осмысления предшествующих периодов исторического развития собственной идейной традиции.

Разумеется, соответствующие интеллектуальные опыты невозможно рассматривать в отрыве от общего контекста становления истории общественной мысли как относительно самостоятельной отрасли научно-исторического познания. Применительно к России речь идет о научно-идеологическом процессе, начальный этап которого приходится на 1850-е – 1870-е гг. и неразрывно связан с именами А.И. Герцена,

Н.Г. Чернышевского, С.С. Шашкова, К.Д. Кавелина. Бросается в глаза полное доминирование в этом перечне первых историков русской общественной мысли представителей ее леворадикального и либерального направлений, среди которых несомненный хронологический и, в значительной мере, идейно-концептуальный приоритет принадлежит основоположнику «русского социализма» А.И. Герцену как автору историко-публицистической работы «О развитии революционных идей в России» (1851). (Что касается приверженцев консервативных и «неославянофильских» взглядов, то с их стороны первой заслуживающей внимания попыткой дать достойный «историографический» ответ своим непримиримым идейным оппонентам и сформулировать «альтернативную» версию истории собственной идейной традиции и русской общественной мысли в целом стала «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) профессора гражданской истории Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича – оригинальный синтетический обзор отечественной (восточнославянской) историографии).

Возвращаясь к герценовскому труду «О развитии революционных идей в России», необходимо отметить, что в этой книге, по понятным причинам впервые опубликованной в 1851 г. за границей на французском и немецком языках и совместившей в себе черты страстного революционного памфлета с одной стороны и историософского трактата – с другой, наряду с отраженной в заглавии ее ключевой темой (в первую очередь – экспрессивные страницы, посвященные идеологии декабристского движения и литературно-идейному наследию В.Г. Белинского) присутствуют обширный пушкинский и чаадаевский сюжеты, а также эпизодические, но очень яркие и значимые в идейно-концептуальном отношении

характеристики литературно-публицистического творчества Н.М. Карамзина и Н.В. Гоголя, деятельности т.н. «журнального триумvirата» Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского – т.е. тех деятелей русской культуры и представителей общественной мысли, которые традиционно идентифицируются как выразители консервативной идеологии или, как в случае с А.С. Пушкиным и П.Я. Чаадаевым, чье идейное наследие по своей сути и самим масштабам никоим образом не вмещается в жесткие рамки привычной «направленческой» идентификации. Кроме того, историко-публицистический трактат основоположника «русского социализма» включает в себя прочувствованный сюжет мемуарного характера о первых дискуссиях славянофилов и западников (одним из главных участников которых с западной стороны был сам А.И. Герцен), содержащий оригинальные оценочные «идентификации» идейных позиций представителей обоих противоборствующих течений «новорожденного» русского либерализма николаевской эпохи.

Ввиду ограниченного объема журнальной публикации и, принимая во внимание то обстоятельство, что собственно историко-революционные (в первую очередь, декабристский) сюжеты рассматриваемой работы, а также глубоко личностная и исповедальная для самого Герцена тема «славянофильство-западничество» очень подробно (хотя и совершенно односторонне) освещались в советской исторической науке, в том числе в специальных монографических исследованиях Н.М. Пирумовой и В.Е. Иллерицкого [См.: 2,4] данная проблематика останется вне предметных рамок нашей историографической статьи. Соответственно, исследовательский интерес ее автора будет сконцентрирован, в первую очередь, на герценовских характеристиках упомянутых идеологов и журнально-газетных «практиков» русского

консерватизма, и, кроме того, на его трактовках идеологии славянофильства и проблемы мировоззренческой эволюции «позднего» А.С. Пушкина.

Историографический анализ непосредственно интересующих нас аспектов вышедшего из-под пера А.И. Герцена первого полновесного очерка истории русской общественной мысли XVIII – первой половины XIX вв. приходится начинать с констатации того обескураживающего, но, судя по всему, очевидного факта, что нашему герою по не зависящим от него обстоятельствам, был совершенно неизвестен главный «политологический» (историко-политический) труд Н.М. Карамзина – «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) и, соответственно, - история активного идейного противостояния «последнего летописца» радикальным реформаторским проектам М.М. Сперанского. Именно поэтому основоположник «русского социализма» ограничил карамзинский сюжет своей книги обращением к его литературно-художественному творчеству и к «Истории государства Российского», рассматривая ее автора отнюдь не в напрашивающейся в данном случае ипостаси одного из виднейших идеологов русского консерватизма, а как «последнего великого писателя» екатерининской эпохи. Согласно экспрессивной герценовской характеристике, для «раннего» Н.М. Карамзина в полной мере было характерно «отвращение ко всякому злоупотреблению силой, большая любовь к просвещению и патриотизм, хотя и несколько риторический, - но все без единства, без руководящей мысли, без какого-либо глубокого убеждения» [1, с. 408]. Как уже было сказано, А.И. Герцен, не будучи осведомлен об активной идеологической позиции и «политологическом» творчестве «последнего летописца» в начале 1810-х и в последующие годы, мог судить о его позднейшем мировоззренческом облике лишь на

основании текста «Истории государства Российского» и, возможно, - преувеличенных сведений о близости ее создателя к Александру I и к другим членам императорской фамилии. Соответственно, герценовская трактовка идейной эволюции «позднего» Карамзина, в которой тому отводится незавидная «пассивная» роль («Можно было заранее предсказать, что из-за своей сентиментальности [?! – М.Р.] Карамзин попадет в императорские сети, как попался позже поэт Жуковский») выглядит совершенно неадекватной [1, с. 409].

При этом ключевая научно-идеологическая концепция Карамзина-историка, положенная в основу «Истории государства Российского», была отмечена А.И. Герценом лишь двумя хлесткими полемическими фразами: «Идея великого самодержавия – это идея великого порабощения. Можно ли представить себе, чтобы шестидесятимиллионный народ существовал лишь затем, чтобы сделать реальностью... абсолютное рабство?» [1, с. 410].

Наконец, в заключительных словах А.И. Герцена, посвященных Н.М. Карамзину, можно ощутить едва ли не упрек в его адрес за то, что автор «Истории государства Российского» «умер, пользуясь до конца своей жизни расположением Николая» [1, с. 410].

Общественной мысли николаевской эпохи непосредственно посвящены V («Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года») и VI («Московский панславизм и русский европеизм») главы герценовского труда. Приходится констатировать, что с точки зрения очевидных критериев современного научно-исторического дискурса, оценочные характеристики А.И. Герценом наиболее значительных представителей тогдашнего консерватизма и исходящие от него трактовки их творческой деятельности и идейных позиций, представляются, мягко говоря, «асимметричными» и крайне неравноценными.

Так, в случае с Ф.В. Булгариными Н.И. Гречом он ограничивается яростными филиппиками в адрес этих «сиамских близнецов», «полицейских, а не литераторов», олицетворявших для него «небольшую кучку ренегатов», которая «связалась с правительством, загладив свое участие в 14 декабря доносами на друзей» [1, с. 433]. Издаваемую ими газету «Северная пчела», «пользовавшуюся покровительством полиции», А.И. Герцен характеризует как «единственный политический, но не официальный листок, который терпели [? – власти – М.Р.]», чем «и объясняется его успех» [, с.]. Однако затем, по утверждению автора историко-революционного трактата, «как только официальные газеты приобрели сносную редакцию, «Северная пчела» была покинута своими читателями» [1, с. 438].

Что касается консерватизма Н.В. Гоголя или точнее, его «несчастной книги» «Выбранные места из переписки с друзьями», то соответствующие оценки и характеристики, исходящие от А.И. Герцена, совершенно закономерные в его устах и даже морально оправданные с точки зрения исповедуемой им системы ценностей, сегодня, в глазах любого неангажированного историка русской общественной мысли и духовной культуры, выглядят, по меньшей мере, неадекватными. В частности, основоположник «русского социализма» ничтоже сумняшеся заявляет о том, что «Гоголь, кумир русских читателей, мгновенно возбудил к себе глубочайшее презрение своей раболопной [?! – М.Р.] брошюрой» [1, с. 438]. По его словам, автор «Выбранных мест...» «начал защищать то, что прежде разрушал, оправдывать крепостное право...» и т.п. [1, с. 466].

Над «падением» Гоголя основоположник «русского социализма» призывает «поразмислить» своих оппонентов из славянофильского лагеря, которые, по его утверждению, «никогда не были сторонниками правительства» [1, с. 457, 466]. (Следует отметить, что подобная

герценовская оценка очевидным образом контрастирует с характерным для дооктябрьской марксистской историографии (в лице Г.В. Плеханова) отождествлением славянофильской идеологии с теорией «официальной народности», которое затем было воспринято в качестве концептуальной аксиомы советской исторической наукой 1930-х – 1950-х гг).

Оппозиционному по отношению к послепетровскому социально-политическому режиму и к внутривластному курсу Николая I славянофильству А.И. Герцен противопоставляет неких не названных им «поименно» «императорских панславистов» в Петербурге и «присоединившихся славянофилов» в Москве (в последнем случае, очевидно, имеются в виду М.П. Погодин, С.П. Шевырев и их единомышленники из «старой редакции» журнала «Москвитянин»). Основоположник «русского социализма» хлестко характеризует их как «любителей рабства, которые принимают абсолютизм за единственную цивилизованную форму правления» и «проповедают... руссизм западным славянам, переполняя их душу... благородной ненавистью к немцам и мадьярам» [1, с. 457].

Что касается характеристики социально-политических воззрений «позднего» А.С. Пушкина, то А.И. Герцен, решительно отказываясь рассматривать Поэта как «царедворца» или «сторонника правительства», тем не менее, инкриминирует ему пресловутый казенный («узкий») патриотизм или, согласно афористической герценовской характеристике, увлечение «петербургским патриотизмом, который похваляется количеством штыков и опирается на пушки» [1, с. 421]. Совершенно очевидно, что лидер русской революционной эмиграции, всегда безоговорочно поддерживавший польское национальное движение за отделение от Российской империи, не мог простить А.С. Пушкину его патриотической позиции во

время восстания 1830-31 гг., отразившейся в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Согласно вполне закономерному, но удручающе примитивному герценовскому «диагнозу», подобная позиция Поэта объяснялась тем прискорбным обстоятельством, что «грубая сила государства влила патриотическому инстинкту», вследствие чего он «разделял варварское желание отвечать на возражения [польских повстанцев?! – М.Р.] пушками» [1, с. 421].

Самым оригинальным моментом герценовского восприятия «антиреволюционной» общественной мысли николаевской эпохи можно считать характеристику журналистской деятельности и идейно-мировоззренческой позиции (вернее, констатацию ее отсутствия) О.И. Сенковского («барона Брамбеуса»), редактора журнала «Библиотека для чтения» (1834-1858), которого в последующей историографической традиции привычно объединяли вместе с Ф.В. Булгариными Н.И. Гречом в проправительственный «журнальный триумvirат».

Вопреки широко распространенной впоследствии трактовке «идеологической программы» издания О.И. Сенковского как идентичной «правительственной» А.И. Герцен характеризует последнего как «очень остроумного писателя, большого труженика, но совершенно беспринципного человека», «если только не почтеть [не считать – М.Р.] принципами глубокое презрение к людям и событиям, к убеждениям и теориям», который «основал свой журнал, как основывают торговое предприятие» [1, с. 437]. Свой тезис о «совершенной беспринципности» О.И. Сенковского и, соответственно, о его непринадлежности к официозному лагерю, А.И. Герцен подкрепляет экспрессивными аргументами «социально-психологического» толка: «Поднимая на смех все самое святое для человека, Сенковский невольно разрушал в умах и идею монархии. Проповедуя комфорт

и чувственные удовольствия, он наводил людей на весьма простую мысль, что невозможно наслаждаться жизнью, непрестанно думая о жандармах, доносах и Сибири...» [1, с. 438].

Не разделяя «мнения тех, кто усматривал в журнале [«Библиотеке для чтения» – М.Р.] правительственную тенденцию», основоположник «русского социализма» обращает внимание на тот очевидный факт, что издание О.И. Сенковского «с жадностью читали по всей России», чего, по его непоколебимому убеждению, якобы «никогда! – М.Р.] не случилось бы с газетой или книгой, написанной в интересах власти» [1, с. 438].

Однако в целом, несмотря на принадлежащий герценовской работе неоспоримый статус первого обзорного исследования истории русской общественной мысли и ее консервативного направления в частности, в авторском освещении и трактовке консервативной идеологии и «практики» времен правления Николая I самым очевидным образом преобладают черты революционной публицистики памфлетного характера – вплоть до злободневной заочной полемики с ее основными представителями и идейными постулатами. Достаточно вспомнить о том, что книга «О развитии революционных идей в России» была издана в 1851 г., т.е. в период т.н. «мрачного семилетия», за четыре года до конца николаевского царствования.

Следующим шагом А.И. Герцена в роли первого историка русской общественной мысли и ее консервативного направления в частности стало издание им вместе с Н.П. Огаревым в 1858 г. в Вольной русской типографии в Лондоне уникальной книги, которая содержит в себе «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и историко-политический памфлет «О повреждении нравов в России» крупнейшего идеолога дворянского консерватизма М.М. Щербатова. Следует особо отметить, что, если книга «первого русского революционера»

была опубликована лондонскими продолжателями его дела через 68 лет после выхода и немедленного запрета в 1790 г. ее первого, авторского издания, то щербатовский памфлет печатался впервые, 70 с лишним лет после его написания в 1786-1787 гг. (незадолго до смерти автора в 1790 г.).

Совершенно очевидно, что выбор А.И. Герценом и Н.П. Огаревым для археографической публикации в их революционном эмигрантском издательстве работ М.М. Щербатова и А.Н. Радищева (причем под одной книжной обложкой) определялся, в первую очередь, общей радикальной оппозиционностью этих непримиримых идейных антагонистов по отношению к екатерининскому режиму и политике «просвещенного абсолютизма». Об этом в крайне экспрессивном тоне было заявлено в первых строках герценовского предисловия (подписано псевдонимом «Искандер»), в свою очередь, представляющего собой выдающийся памятник революционной общественно-политической мысли и «освободительной» пропаганды на историческом материале.

По утверждению А.И. Герцена, М.М. Щербатов и А.Н. Радищев, афористически названные им «печальными часовыми у двух разных дверей», которые «как Янус глядят в противоположные стороны», «представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины» [5, с. V]. Что касается М.М. Щербатова, в чем памфлетном сочинении он видит прежде всего «строгий разбор дворцового разврата», то основоположник «русского социализма» при помощи хлестких эмоциональных метафор рисует яркую картину того, как «Щербатов, отвращаясь от распутного дворца сего времени, смотрит в ту дверь, в которую вошел Петр I, и за нею видит чинную, чванную Русь Московскую» - и при этом «скудный и полудикий быт наших предков... кажется невольному старику каким-то утраченным идеалом» [5, с. V]. Разумеется, А.И. Герцен констатирует тот очевидный

факт, что «Радищев гораздо ближе к нам» (к нему с Н.П. Огаревым), при том, что, по его заключению, идеалы «первого русского революционера» «были так же высоко на небе, как идеалы Щербатова – глубоко в могиле» [5, с. V]. Издатель щербатовского памфлета объявляет его автора носителем «славянофильской точки зрения» (что в настоящее время может рассматриваться лишь как напрашивающаяся «сама собой» метафорическая ретроспекция), чье идейное становление совершалось «тем же путем», что и у аутентичных «славянофилов» - бывших друзей и идейных оппонентов «Искандера», определяемых им в данном случае как «часть московской молодежи» [5, с. VII]. Согласно эмоциональному герценовскому диагнозу, «раздавленная николаевским гнетом, не видя конца ему, не видя выхода – она прокляла петровский период, отрелась от него, и надела, нравственно и в самом деле – зипун» [5, с. VII].

Легко предположить, что А.И. Герцен, левый радикал и недавний западник (до 1848 г.), при всем своем тогдашнем обостренном неприятии многих конкретных форм петровской и екатерининской вестернизации, никоим образом не мог солидаризироваться с «историко-бытовым» традиционализмом М.М. Щербатова. «А так как объективной истины в этом возвращении к жизни, из которой мы выросли, нет, и она только зыбкая назло, чтобы современники казнились, - отмечает издатель щербатовского памфлета, - то К. [князь – М.Р.] Щербатов часто впадает в противоречия и просто в ошибки» [в своей апологии допетровских нравов и культурно-бытовых форм – М.Р.] [5, с. VIII]. Разумеется, А.И. Герцен решительно отказывается «делить его негодование на женщин и девиц, что им лучше понравилось выезжать и одеваться, чем всю жизнь проводить в тюремном заключении отцовского или мужнина дома» [5, с. VIII].

В завершение своего предисловия к лондонскому изданию «Путешествия из

Петербурга в Москву» и щербатовского историко-политического памфлета «Искандер» высказывает горячее пожелание, чтобы его современники, представители русского «образованного общества», в преддверии грядущих Великих реформ и социально-политических потрясений «не шли вспять – как князь Щербатов и не предавались бы полному [? – М. Р.] отчаянию, как А. Радищев» [5, с. XIV].

В перспективе творческое наследие А.И. Герцена как первого историка русской общественной мысли должно стать исходной точкой и одним из ключевых объектов историко-научного исследования историографии отечественного консерватизма и некоторых «промежуточных» идеологических форм (наподобие «либерального консерватизма» и «консервативного либерализма»), а не

только «родных» и приоритетных для него самого левого радикализма и радикального либерализма, что было характерно для предшествующей историографической традиции.

Библиографические ссылки

1. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России / А.И. Герцен // Герцен А.И. Собр. соч. в 8 т. / А.И. Герцен – М., 1975. Т. 3. С. 357-480.
2. Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов / В.Е. Иллерицкий. – М., 1963. – 439 с.
3. Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период) / В.Е. Иллерицкий. – М., 1974. – 350 с.
4. Пирумова Н.М. Исторические взгляды А.И. Герцена / Н.М. Пирумова. – М., 1956. – 152 с.
5. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России / М.М. Щербатов // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание / Под ред. М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой – М., 1985. С. III-XIV, 1-96.